

СУДЬБА УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ

Круглый стол, 16 ноября 2006 г., Москва

Организатор — редакция журнала «Вопросы образования».

Вопросы для обсуждения:

1. Многообразие университетов. Что есть сейчас российский университет? Типология университетов
 - по происхождению (традиционные, технические, педагогические и пр.);
 - по географии (столичные, провинциальные — по типам регионов);
 - по ориентации (на рынок, на ренту с университетского статуса и др.);
 - по содержанию подготовки специалистов.
2. Какие социальные функции (образовательные, социализационные и др.) и какие ценности транслируют университеты разных типов.
3. Состояние науки в разных типах университетов (проблема сохранения культуры воспроизводства знаний, научных школ).
4. Тенденции и перспективы развития разных типов университетов.

Участники

Александров Даниил Александрович — кандидат биологических наук, профессор, кафедра социологии Санкт-Петербургского филиала ГУ-ВШЭ, Европейский университет в Санкт-Петербурге;

Князев Евгений Анатольевич — кандидат физико-математических наук, заместитель начальника управления учреждений образования, Федеральное агентство по образованию;

Кордонский Симон Гдальевич — кандидат философских наук, профессор, кафедра местного самоуправления ГУ-ВШЭ;

Кузьминов Ярослав Иванович — кандидат экономических наук, доцент, ректор ГУ-ВШЭ;

Куренной Виталий Анатольевич — кандидат

философских наук, доцент, кафедра истории философии ГУ-ВШЭ, зам. главного редактора журнала «Логос»;

Плюснин Юрий Михайлович — доктор философских наук, первый зам. декана факультета государственного и муниципального управления ГУ-ВШЭ;

Филонович Сергей Ростиславович — кандидат физико-математических наук, профессор, кафедра управления человеческими ресурсами ГУ-ВШЭ;

Фрумин Исак Давидович — доктор педагогических наук, координатор образовательных проектов Мирового банка;

Юдкевич Мария Макаровна — кандидат экономических наук, доцент, руководитель лаборатории «Институциональный анализ экономических реформ» ГУ-ВШЭ.

Ведущий – Фрумин И.Д.

(фрагменты дискуссии)

Фрумин И.Д.

Я обратил внимание на Вашу пятничную статью в «Ведомостях», Ярослав Иванович. Фактически Вы там также утверждаете, что вот эта интуиция — о том, что университеты разные, — относительно неверна. Потому что действительно все предлагают более или менее один и тот же товар.

Кордонский С.Г.

Как называется этот товар?

Александров Д.А.

Подготовка ребенка к выбору специальности. То есть тебя помещают в некоторое учреждение (это зависит от желания родителей и выбора домохозяйств), которое неважно чем занимается, но его там готовят к выбору специальности. Человек после мехмата будет выбирать специальность, человек после биофака будет выбирать специальность и место работы, профессию жизни...

Кузьминов Я.И.

Когда мы говорим о судьбе университетов в России, мы должны отправляться и внутренне отправляемся от некоторого собственного опыта — что есть университет. У кого-то это советский технический вуз, который он окончил, у кого-то это Гумбольдтовекий университет, а для кого-то это Оксфорд с Кембриджем. В целом это разное

образование. А что действительно является системообразующим для университета? Я думаю, что, по крайней мере предварительно, это имеет смысл обсудить в рамках нашего круглого стола, иначе мы будем говорить каждый о своем. Мне кажется, я выскажу свое впечатление (даже не точку зрения, потому что она еще не оформилась достаточно), что университет есть институт формирования профессиональных элит, которые в современных обществах являются создателями и носителями инноваций. Университет фактически создает класс инноваторов, социальную группу инноваторов. В этом отношении с университетом практически ни один другой социальный институт сравниться не может, потому что инновационная составляющая — это умение искать информацию, умение коммуницировать с людьми, предлагать и навязывать им свою позицию, находить подобных себе, что очень важно, инноваторов.

Есть такие «коренные» университеты, которые были таковыми практически на протяжении всего времени своего существования. Конечно, в первые пять веков — условно говоря, с XII—XIII вв., когда университеты зародились, — никто не знал слова «инноватор», это скорее были трактователи. Сама инновация в Средние века была схоластически окрашена и скорее была попыткой подвести то новое, что робко пробивалось, под канон, потому что вне канона существовать было нельзя. Когда же с гумбольдтовским университетом канон был опровергнут, функция университета по формированию, созданию нового знания (а следовательно, по отрицанию старого) стала законной. Эта функция производства инноваторов стала совершенно официальной социальной функцией университета, и так, собственно говоря, было и в XIX в., и в первой половине XX в., пока университеты не стали массовыми. Ключевой точкой перехода является формирование массовой высшей школы, это середина XX в. В университеты стали идти люди, претендующие просто на то, чтобы получить некоторый билет, дающий право на карьеру в городской экономике. Ведь что сейчас совершилось? Совершился колоссальный переход, переход от бытия в университете как бытия элитного, связанного с совершенно другой жизнью, к утилитарному представлению об университете: с одной стороны, как к учреждению, которое ты должен окончить для

того, чтобы устроиться на более или менее пристойную работу, на которую без университетского диплома не берут, с другой — как к месту, где ты зарабатываешь деньги. Вот такого рода двойное опошление отношения к университету очень интересно, потому что оно как раз происходит на фоне колоссального роста креатива вокруг университета. Вот Исак Давидович ссылаясь на мою публикацию в «Ведомостях». Я как раз обращаю внимание в этой статье на то, что возникает парадокс. Креативность становится массовой чертой экономики, есть креативный бизнес, становится креативной по преимуществу деятельность менеджеров, становится креативной деятельность в очень многих секторах, и отсюда, вполне естественно, большой спрос на высшее образование. А сам университет в это время, стало быть, опошляется, становится университетом-средством из университета-цели и фактически теряет вот этот креативный заряд и со стороны студентов, и со стороны преподавателей. Это явно некая кризисная точка развития университета. Такого кризиса университет никогда не претерпевал в своей истории. Да, были проблемы, связанные с резким расширением объема подготовки, были проблемы, которые были связаны с разрушением «башни из слоновой кости», с фактической ориентацией университета. Собственно говоря, это в конце XIX в. еще в технических высших школах произошло, потом затронуло и классические университеты. Но вот такого самоотрицания своей миссии внутри себя никогда в университетах не было, и мне кажется, что нынешние споры о проблемах российских университетов, которые мы обычно сводим к тому, что хорошие люди ушли от недофинансирования, что зарубежные богатые дяди переманили, еще что-то, — это на самом деле не специфически российское явление, это явление цивилизационное, оно связано с тем, что университет как институт производства креативного класса в переходе к массовой креативной экономике (где креативных работников треть, половина, очень много, где они перестали быть элитой) стремительно теряет креативные черты. И может ли он в дальнейшем — через 10, 15, 20 лет — продолжать выполнять свою функцию подготовки креативного класса? Вот в этом я глубоко не уверен. Это, собственно говоря, интересно, мне кажется, обсудить, то есть я готов выступить адвокатом дьявола, дьяволов, которых университет не любит,

не видит за ними будущего, сказать, что университет постигнет судьба плохой школы. Это будет формальный этап образования, который каждый человек должен пройти — да, с отвращением, как бы все время глядя на сторону. Но просто школа поднялась. А университет? Куда ушел университет, тогда возникает вопрос. И, собственно говоря, куда ушла задача, абсолютно необходимая для общества, — задача подготовки интеллектуальной элиты? В интернет-формы, в первые шаги фирмы, в ученичество в венчурном бизнесе?

Фрумин И.Д.

Занятно, что это не сценарии, которые Организация экономического сотрудничества и развития рассматривает как возможные для будущего университета. В качестве одного из шести возможных вариантов они называют растворение университетов. То есть университеты просто растворятся, и люди будут получать сертификаты на каких-то курсах и так далее и так далее, и такого института не будет просто-напросто, школа удлинится лет до 13, пока не опасно будет выпускать молодых балбесов. И еще я хотел бы уточнить, правильно ли я понимаю, что Вы считаете, что массовая подготовка вообще не функция университета, а его функция только в подготовке креативного класса? Противоречие это или нет — подготовка новаторов и массовая подготовка?

Кузьминов Я.И.

Нет, они формально не противоречат, просто массовая подготовка должна складываться из миллионов индивидуальных персональных взаимодействий (во что я с трудом верю). Я не верю в то, что поточное обучение, обучение без обратной связи, может создать креативную личность из студента. А то, что креативное образование и создание новаторов может быть массовым, — да, если вместо, условно говоря, 100 тысяч малых групп учитель - ученики будут миллионы. Если посмотреть на масштабы креативного класса в экономике, то они в общем существенно возросли, то есть люди-то есть и на роль учителя тоже есть люди.

филонович С.Р.

Но есть расхожий тезис, что мы живем в переходном обществе знания, и главным преимуществом, с моей точки зрения, общества знания является способность его генерировать. Самое главное — я не воспринимаю

университеты как некую однородную массу. И в XIX в., и в XX в. были университеты, которые были всегда способны к реализации той задачи, о которой говорит Ярослав Иванович. Во Франции в конце XVIII в. реформы Наполеона, создание Grande Ecole и блестящая плеяда физиков, вышедших из Политехнического института, дали выдающуюся базу образования... Мне представляется, что сейчас университеты просто должны дифференцироваться, и это один из сценариев, который привлекателен для меня. Должна возникнуть часть элитарных университетов, но элитарных не по возможностям получения образования, когда кто-то «отсекается» по финансовым причинам, а по мотивации людей стать этими самыми инноваторами и генераторами знаний. И задача этих элитарных университетов — создавать соответствующую среду. Те университеты, которые переборют эту тенденцию, могут перестать быть массовыми. С моей точки зрения, здесь очень странный парадокс, поскольку наряду со всем этим есть возможность индивидуализации образования. В наше время такой возможности практически не было, но при этом она не востребована по большей части. И если создавать среду, в которой люди будут общаться, и если приобретение знаний, приобретение навыков генерации знаний станет страстью, то у этих университетов есть будущее и они никуда не «растворятся». Это всегда будут такие центры притяжения особых людей, у которых есть к этому склонность, а то, что не у всех эта склонность есть — так слава Богу, потому что, как мы знаем, кто-то должен работать, и если такого класса нет, то общество сталкивается с самыми серьезными социальными проблемами. Поэтому мне кажется, что сейчас университеты могут и сами подумать о своей судьбе, подумать о том, по какому сценарию пойдет развитие. Ведь можно же вести такую проактивную политику... Мне представляется, что в обществе знания главный навык — это как раз способность к генерации знания, я имею в виду не только фундаментальные науки, а любое знание. Проблема университетов состоит в том, что мы очень мало знаем о том, как это можно делать. Еще в фундаментальных научных школах это отрабатывается, но это, правильно говорит Ярослав Иванович, необходимо и в практических областях — в маркетинге, в менеджменте, во всех. А вот как учить людей, как их мотивировать? Сейчас даешь задание студентам, с

моей точки зрения, интересное, где можно пофантазировать, что-нибудь придумать. А что они делают? Они бегут в интернет, начинают скачивать по ключевым словам что-нибудь похожее и лепить из этого, в общем, бессмысленный продукт. Как это преодолеть, что можно с этим сделать? Мне кажется, это основная проблема.

Фрумин И.Д.

Я бы хотел просто уточнить для читателей о возможности индивидуализации. Почему она, с вашей точки зрения, собственно, сейчас так фантастически увеличилась?

Филонович С.Р.

Просто в связи с тем, что увеличилась доступность образования и знаний через современные технологии. Возможности динамики, мобильности, студенческой в том числе, довольно сильно возросли, и поэтому вы можете набрать элементы своего образования быстрее и эффективнее. А не так, как это было в 1969 г., когда я поступал в университет.

Куренной В.А.

Я ту же проблему затрону, но скорее в историческом контексте. Мне кажется, это будет проще и понятнее. В-первых, ремарка по поводу того, что университет куда-то «растворится». Я напому, что университету, если брать варианты школ в Салермо, уже 1000 лет. То есть это вообще такой древнейший, самый устойчивый институт современного западного общества (в то время еще государства не было в современном понимании). Я так думаю, что в силу такого определенного внутреннего ресурса этой институции вообще по большому счету ничего не грозит, это очень консервативная вещь.

Теперь по поводу затронутого сюжета. Не будем углубляться в эти Средние века, тем не менее есть некоторая проблема... XV в. — это расцвет университетов, а дальше идет жуткое падение на протяжении многих столетий. Университет вообще уходит из интеллектуальной жизни, из креативной, и, по сути, это продолжалось до конца XVIII в. (правда, там были некоторые исключения). Вообще история знает такие периоды, когда интеллектуальная жизнь может столетиями протекать вне университета. То есть это тоже нормально, поэтому я так не драматизировал бы ситуацию, история идет своим чередом.

Теперь что касается многообразия университетов.

Современный университет формируется в XIX в. (конец XVIII — начало XIX в.), собственно говоря, возникает такая официальная история университета. Складываются три основные модели: французская наполеоновская реформа, способствовавшая появлению контролируемого бюрократией университета, наряду с техническими школами, которые во Франции действительно выдвигаются в авангард. Университет во Франции после этой реформы в научном плане заметно ослабевает (кстати, именно французская модель в России всегда была по умолчанию принята, то есть это модель так или иначе управляемого государством университета, в этом российская специфика). Есть французская бюрократическая модель, надо сказать, что она — массовая модель, то есть это производство «нормальных» граждан, лояльных граждан и так далее и тому подобное. Вторая модель не возникала путем специальной реформы, но это все-таки британская модель, такая college system, как это называется традиционно. Это закрытые, очень изолированные и, надо сказать, крайне элитарные заведения. В принципе в современном обществе эта система сохраняется в виде американского типа университета, который ориентирован на формирование социальной элиты (не креативной элиты, а именно социальной элиты), то есть это место социализации в определенный класс. Обучение в таких университетах подороже, чем во всем известных университетах. И третий университет — и это, собственно говоря, самая большая новация — это гумбольдтовская модель, которая, начиная с XIX в. и по крайней мере до всяких политических пертурбаций XX в., знала победное шествие. Сейчас только что вышел наконец-то 3-й том «Истории европейского университета», и там как раз показано, что во всех отношениях, конечно, гумбольдтовская модель и в Европе, и во всем мире в период до I половины XX в. была самой продуктивной.

В своем современном измерении каждая из трех моделей способна выполнять определенную функцию. Образование элитарное в социальном смысле, что крайне необходимо для определенных типов обществ (например, в той же Великобритании, традиционном обществе), имеет место. Но если нет очень замкнутой элиты, оно просто не сможет функционировать. И есть такая креативная элита, то есть воспитание или образование людей, которые могут

совершать инновации. К сожалению, в России университеты не имеют истории, это такая большая беда. Поскольку я сейчас читаю про гумбольдтовскую модель, то могу сказать: обычно она осмысливается так, что это якобы подготовка ученых, то есть принцип единства преподавания и исследования, — это совершенно неверная вещь. Надо просто Гумбольдта полистать и посмотреть. Это не подготовка ученых, а речь идет о том, что вырастить человека, который действительно способен производить новое, только транслируя ему готовую систему знаний, практически невозможно. Поэтому Гумбольдт изобрел такой прием: если студент участвует в процессе поиска, он способен вообще такую инновативную роль выполнять. Я бы сказал, что, конечно, эта модель сохраняет свою актуальность в смысле креативности, создания креативной, а не социальной, элиты. Потому что, когда мы используем слово «элита», нужно различать эти две вещи.

Но, возвращаясь к этому драматическому эпизоду многовековой истории университетов, который наступил после XIII в., надо обратить внимание на одну главную проблему, которая может убить университет. Это потеря связи с внешней средой. Собственно говоря, превращение университетской корпорации в замкнутую цеховую систему со своими рангами, титулами, отличиями и так далее может заморозить ее и превратить в какой-то очень странный институт. Уже в начале XX в. было зафиксировано, что в классическом своем варианте гумбольдтовская модель не может работать. В современных условиях открытая модель университета описывается как предпринимательский университет, который находится в энергичном общении с окружающей средой. И в этом смысле я бы сказал, что нужно крайне аккуратно подходить к модели исследовательского университета, потому что ее наивная трактовка — если преподаватель будет заниматься исследованием, это и будет классный университет — не совсем правильна, потому что это может привести к замыканию университета. Если современный университет хочет участвовать в жизни, общаться с открытой средой, там, где действительно протекают какие-то креативные события, то он должен очень сильно быть вовлечен в жизнь (в жизнь города, как сказал бы средневековый какой-нибудь автор). А если он не вовлечен, а находится внутри себя, производит

исследования, никакой креативности не получится. Напрямую гумбольдтовский принцип единства исследования и преподавания в современных условиях может привести скорее к стагнации университета, то есть там нужны какие-то балансы. Всяк скажет, что ситуация крайне сложная в этом смысле, и она более тонкая, исходя вот из такого краткого исторического обзора...

Кузьминов Я.И.

Просто не могу не отреагировать. Знаете, дискуссия о том, вырождается это или не вырождается, базируется все-таки на тезисе, что у нас единственно возможный университет — это гумбольдтовский университет. А чем был Гумбольдтовский университет? Фактически это был образовательный институт, готовящий инноваторов, то есть готовящий креативных личностей через участие в единственной на то время массовой форме креативной по преимуществу деятельности, то есть научной. Да, была деятельность художников, была деятельность артистов, но эти деятельности были по существу ремесленными, то есть до середины XIX в. ни художников, ни артистов в качестве интеллектуальной корпорации не было. Были ремесленники, некреативные по существу. Этот креатив появлялся случайно. Но сейчас-то эта посылка снята. Сейчас креативная деятельность, которую востребует общество, вовсе не является по преимуществу деятельностью научной. Научной тоже, но не только научной. Поэтому подготовка инноваторов может происходить через любые формы креативной деятельности. Я два примера приведу. Это бизнес-школы, креативная деятельность в предпринимательстве, в бизнесе; это театральная вуз — культурный проект, наконец, это некая инженерная школа или медицинская школа (гораздо ближе расположенные к производству, чем классический университет), где люди решают абсолютно прикладные проблемы. Но тем не менее эти проблемы воспитывают в них инноваторов. Наряду с этим есть масса неудачных случаев. Классическим крайне неудачным случаем является педагогический вуз. Вот есть прекрасная, казалось бы, замечательная, гениальная деятельность, креативная по существу и требующая инноваторов — это воспитание и образование. Но, к сожалению, там такое плохое равновесие возникло, что педагогические вузы игнорируют

по существу реальную школу, реальные процессы взаимодействия жизни и образования. Вот это болевая точка нашего образования. Но те же самые вырожденные формы университетов есть и в совершенно классических формах. Когда, например, на физическом факультете — на котором давным-давно никто не ведет экспериментальную работу и журналов-то не читает, где имитируется, а иногда даже не имитируется форма гумбольдтовского университета, — вот якобы защита диссертации, все с этим сталкивались: форма соблюдена, как макаки вырядились в людскую одежду, готовят автореферат, где нет никаких вообще мыслей, где все заимствовано, с важным видом зачитывают слова, которых они сами не знают.

А если не гумбольдтовский университет? А может, это вообще не университет?! Вот то, о чем мы с вами говорили в самом начале. Может, вот эти формы подготовки креативного класса в такой институции, как университет, вообще не нужны? Тогда давайте посмотрим другие черты, которые университеты создают. Мне кажется, что такого рода чертой является сохранение, воспроизводство ядра — я не знаю этого русского слова, «peers» по-английски, — то есть ядра людей, которые заинтересованы в сохранении знания, являются академическими владельцами этого университета. Они нуждаются друг в друге, они получают от университета свою репутацию. Они обеспечивают уровень деятельности, они заинтересованы в учениках и накапливают репутацию, неденежный доход для них — репутация. Мне кажется, что и в театральном вузе, и в бизнес-школе такого рода люди есть. Пусть над ними поставленный царем или министром начальник сидит, но все равно он сидит и распоряжается стульями, а не ими. Вот этот некий первоначальный, будем называть его, академический университетский коллектив, профессорский коллектив, мне кажется, является очень важной составной частью института, который мы называем университетом, и его исчезновение является звонком. Тогда университета реально нет.